

Научная статья
УДК 94(47)+616.89+355.513
DOI 10.20310/1810-0201-2022-27-6-1412-1424

Мобилизации в периоды войн России первой половины XX века и психические расстройства

Павел Петрович ЩЕРБИНИН

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
shcherbinin2010@gmail.com

Аннотация. Изучение мобилизационных компаний Русско-японской 1904–1905 гг., Первой (1914–1918 гг.) и Второй (1939–1945 гг.) мировых войн позволяет реконструировать особенности взаимоотношений государства и личности, власти и общества, военных институтов и гражданских администраций сквозь призму психических заболеваний населения в Российской империи и СССР. Описание факторов и условий, которые позволяли попадать в действующую армию призывникам, имевшим различные психические патологии, уточняет развитие и традиции не только отечественной медицины, но и важные причины героических поступков или возможных военных преступлений (дезертирство, отказы выполнять приказы и пр.). Выявлены основные заболевания призывников, что свидетельствует об определенных психических патологиях российского социума. Методологические особенности исследования заявленной проблематики опираются на авторскую концепцию привлечения работ современников, прежде всего, специалистов в области психиатрии, врачей-практиков Тамбовской области, а также историй болезней и анамнеза психической заболеваемости. В данном контексте проведенное исследование имеет хорошую перспективу многофакторного и межрегионального изучения заявленной научной проблемы. Результаты исследования позволяют сделать вывод, что призывные компании в Российской империи и СССР обеспечивали добротное формирование воинских частей и соединений, однако, в работах медицинских комиссий имелись серьезные недостатки по выявлению психических заболеваний у мобилизованных. Вполне очевиден и вывод о важности изучения гендерных аспектов мобилизационной деятельности, а также анализ состояния здоровья добровольцев. Результаты проведенного изучения воинских призывов первой половины XX века вполне репрезентативны и позволяют по-новому оценить и совершенствовать современные частные мобилизации в Российской Федерации. Изучены последствия призывных компаний на мирное гражданское население, которое испытывало мощнейшие психологические потрясения и имело собственные психиатрические анамнезы.

Ключевые слова: мобилизация, призывные медицинские комиссии, Русско-японская война, Первая мировая война, Вторая мировая война, психические заболевания, региональная история, история медицины

Для цитирования: Щербинин П.П. Мобилизации в периоды войн России первой половины XX века и психические расстройства // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 27, № 6. С. 1412–1424. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2022-27-6-1412-1424>

Original article

DOI 10.20310/1810-0201-2022-27-6-1412-1424

Mobilizations during the wars of Russia in the first half of the 20th century and mental disorders

Pavel P. SHCHERBININ

Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation

shcherbinin2010@gmail.com



Content of the journal is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)



© Щербинин П.П., 2022

Abstract. The study of the mobilization companies of the Russian-Japanese War 1904–1905, World War I (1914–1918) and World War II (1939–1945) World Wars allows to reconstruct the features of the relationship between the state and the individual, the government and society, military institutions and civil administrations through the prism of mental illnesses of the population in the Russian Empire and the USSR. The description of the factors and conditions that allowed conscripts who had various mental pathologies to enter the active army clarifies the development and traditions of not only domestic medicine, but also important reasons for heroic deeds or possible war crimes (desertion, refusal to carry out orders, etc.). The main diseases of conscripts have been identified, which indicates certain mental pathologies of the Russian socum. The methodological features of the study of the stated problems are based on the author's concept of attracting the works of contemporaries, primarily specialists in the field of psychiatry, medical practitioners of the Tambov region, as well as medical histories and anamnesis of mental illness. In this context, the conducted research has a good prospect of multifactorial and interregional study of the stated scientific problem. The results of the study allow us to conclude that conscription companies in the Russian Empire and the USSR provided a sound formation of military posts and formations, however, there were serious shortcomings in the work of medical commissions to identify mental illnesses in the mobilized. The conclusion about the importance of studying the gender aspects of mobilization activities, as well as the analysis of the health status of volunteers, is quite obvious. The results of the study of military conscription in the first half of the twentieth century are quite representative and allow for a new assessment and improvement of modern private mobilizations in the Russian Federation. The consequences of conscription companies on the peaceful civilian population, who experienced the most powerful psychological shocks and had their own psychiatric anamnesis, were studied.

Keywords: mobilization, conscription medical commissions, Russian-Japanese War, World War I, World War II, mental illness, regional history, history of medicine

For citation: Shcherbinin P.P. Mobilizatsii v periody voyn Rossii pervoy poloviny XX veka i psikhicheskiye rasstroystva [Mobilizations during the wars of Russia in the first half of the 20th century and mental disorders]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2022, vol. 27, no. 6, pp. 1412–1424. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2022-27-6-1412-1424> (In Russian, Abstr. in Engl.)

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования определяется востребованностью опыта проведения призывных кампаний первой половины XX века, а также современными мобилизационными практиками в Российской Федерации. Мобилизации в Российской империи и СССР в первой половине XX века играли выдающуюся роль в жизни социума, накладывали глубокий отпечаток на экономику, социально-политические и социокультурные отношения, серьезно деформировали все стороны жизни населения как в столицах, так и в провинции. Как правило, воинская мобилизация сопровождалась мобилизацией экономики, а военный фактор становился наиболее травматичным, включая военные заготовки, расквартирование войск, медико-санитарные потери и т. п. Вне всякого сомнения, частичные или полные (тотальные) мобилизации, как лакмусовые бумажки, способствовали проявлению государственных, экономических и социальных кризисных явлений, обостряя имевшиеся противоречия и слабые места в государственном управлении и общественном устройстве, семейно-бытовые и социальные конфликты.

Важно отметить, что государственная идеология и общественно-политические институты и организации не всегда совпадали с настроениями и душевными переживаниями, эмоциями обычных «простых» людей. Одним из наиболее устойчивых мифов в отечественной историографии XX века является констатация патриотического подъема и всеобщего воодушевления в период военной мобилизации. Конечно, в правительственных распоряжениях, документах центральных и местных властей отражались воинственные и вдохновляющие к защите Отечества призывы и лозунги, к тому же периодическая печать публиковала материалы, которые должны были усиливать воинственный настрой и побуждать общество к осознанию важности защиты Отечества, родных и близких в условиях военной угрозы и опасности для родных и близких. Однако подавляющая часть рос-

сийского социума, особенно женщины-матери и жены-солдатки, да и сами мобилизованные мужчины не воспринимали патриотическую риторику, а испытывали чувства беспокойства и тревоги, глубоко переживая возможные последствия военного призыва. В известной степени мобилизационные компании провоцировали психологический дискомфорт, а также служили важнейшим фактором обострения органических психических расстройств, возникновения панических атак и других неврологических патологических состояний.

Представляется важным осветить следующие **постановочные вопросы** для рассмотрения проблем мобилизации сквозь призму медико-социальных аспектов, в том числе психической заболеваемости:

1) каким образом можно провести реконструкцию медицинских аспектов военномобилизационной деятельности в столицах и провинции?

2) как отражались мобилизационные мероприятия на настроениях и психическом состоянии не только самих призывников, но и членах их семей, социальном окружении, гражданском населении в целом?

3) насколько эффективной была работа призывных мобилизационных комиссий по выявлению лиц, у которых были психические заболевания или нервные расстройства?

4) каким образом проявлялись психические расстройства мобилизованных в военное и мирное время?

5) насколько уместно использование опыта отечественной военной психиатрии в современных условиях специальной военной операции?

ВЛИЯНИЕ МОБИЛИЗАЦИИ НА НАСЕЛЕНИЕ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

В XX веке впервые мобилизационные мероприятия приобрели массовый характер в 1904–1905 гг., когда проводился массовый призыв солдат запаса. В историографии достаточно убедительно показано, что призыв в армию значительного количества «борода-

чей», как называли запасных нижних чинов русской армии, привел к глубоким и серьезным деформациям не только социально-экономических отношений, но и общего уклада жизни, настроений и социокультурного облика российского социума [1]. Уже в первые месяцы военная повседневность стала включать в себя многофакторные конфликты и противоречия взаимоотношений человека и государственных институтов, армии и гражданского общества, государства и личности, бюрократии и прав человека. Современники вполне отчетливо констатировали, что повседневная жизнь населения «...всецело находилась под влиянием войны на Дальнем Востоке»¹. Начало военных действий и волны мобилизации мужчин в вооруженные силы вызывали тотальную озабоченность, уныние и тягостное настроение, подавленность².

Фактически многие домохозяйства оказывались под угрозой финансовых и иных потрясений, а члены семей мобилизованных запасных нижних чинов, как они сами, находились под постоянным стрессом тяжелых дум и эмоционального кризиса, ожидания непоправимых последствий и крушения привычной повседневности и социально-психологических, ментальных установок. Для многих солдат становилось очевидным, что потеря часто единственного кормильца ставит под угрозу экономическое благосостояние их близких и родных, не оставляя шансов на жизненные перспективы и благополучие.

Не случайно мобилизационные страдания проявлялись ростом употребления алкогольных напитков, а также трагедиями и семейными катастрофами. Писатель В.В. Вересаев, сам мобилизованный в ряды армии, привел случай, когда одна из женщин после получения повестки о призыве своего мужа скончалась от трагических переживаний и волнения. Сам мобилизованный, посмотрев на пятерых осиротевших детей, пошел в сарай и повесился³.

¹ ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. 4. Оп. 1. Д. 5634. Л. 8.

² См.: Сурин М. Война и деревня. М., 1907. С. 9.

³ Вересаев В.В. На японской войне. Записки // Вересаев В.В. Собрание сочинений: в 4 т. М., 1961. Т. 3. С. 8.

В период мобилизации резко возрастал свечной доход в церквях, отмечался рост молитвенных настроений, с одной стороны, а с другой – получали развитие слухи и предсказания, обращения к гадалкам и прорицателям различных мастей. Для обычного человека мобилизационные мероприятия часто вызывали ментальные конфликты и серьезные психические деформации. Примечательно, что такие проявления поведения и ментальные всплески были характерны и в годы других призывных компаний в Российской империи и СССР.

Историография научной проблемы отражает сложившиеся практики изучения мобилизационных мероприятий. Призывная кампания в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. привела к мобилизации миллионов мужчин, что повлекло тотальные и часто необратимые изменения не только в социально-экономическом развитии страны, но в демографическом, а также социокультурном и психологическом отношении. Как отмечал Л.Г. Бескровный, только за первые четыре месяца войны в 1914 г. было призвано 5115 тыс. человек⁴. Практика и последствия призывной кампании были добротнo изучены в отечественной и зарубежной историографии [2–5]⁵. Наиболее успешным рассмотрением проблем психических последствий мобилизации являются работы по вопросам «военно-исторической антропологии» [6] и человеческому измерению войны [7; 8].

Несмотря на введенный «сухой закон», в период мобилизации отмечались многочисленные случаи злоупотребления спиртными напитками, а также алкогольные душевные расстройства: белая горячка, *abstinentz delirium*, острый и хронический алкоголизм.

⁴ Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986. С. 15.

⁵ Беркевич А.Б. Крестьянство и всеобщая мобилизация в июле 1914 г. // Исторические записки. 1947. Т. 23. С. 3–31.

МЕНТАЛЬНЫЕ ИНВАЛИДЫ И ОТСУТСТВИЕ КАЧЕСТВЕННЫХ ПРИЗЫВНЫХ КОМИССИЙ

Следует выделить специальные работы по психопатологии войны [9], которые рассматривались сквозь призму военной психиатрии и психогенных реакций военнослужащих⁶. Как справедливо указывал Л. Прооров, военные призывы самым губительным образом влияли на нервно-психическое здоровье населения, порождая нервность и душевные заболевания. Это отражалось и в боязни быть призванным на военную службу в период массовой мобилизации. Нередкими были проявления значительного числа психопатий, психогенных истерических реакций. К тому же спешно проводимые мобилизационные мероприятия без участия в приемных призывных комиссиях специалистов по нервным и душевным заболеваниям приводили к тому, что в ряды вооруженных сил попадало значительное количество солдат, страдающих психопатологическими расстройствами⁷.

К тому же необходимо учитывать, что среди добровольцев, которые рвались на фронт для защиты Отечества, отмечалось достаточно большое количество психопатологических элементов: психопатов, истериков, дебилов, шизофреников, эпилептиков. Многие из них были охвачены «квасным патриотизмом», легко попадали под правительственные призывы о фронтовом героизме, были склонны к авантюрам, жажде подвигов и наград.

Фактически недостатки осмотра медицинских комиссий в период мобилизации приводили к тому, что до половины душевнобольных военнослужащих, попадавших в госпитали и психоприемники, имели серьез-

ные психические расстройства задолго до призыва в армию. Таких военнослужащих в военные годы было более 50 тыс. человек, что свидетельствует о серьезных медикосанитарных просчетах и недостатках при проведении призывных кампаний. Представляется перспективным провести анализ аналогичной статистики и в условиях последующих мобилизационных мероприятий в XX–XXI веках.

С другой стороны, важно подчеркнуть, что современники не оставили свидетельств о симулировании психических расстройств в период военного призыва. В то же время военные психиатры отмечали нередкие случаи бредовых состояний с военным содержанием и аналогичными галлюцинациями у гражданских пациентов. Люди с неустойчивой психикой и органическими заболеваниями нервной системы были очень податливы воздействию патриотической риторики и пропаганды.

Если общее число нервно-раненых, нервнобольных и нервно-увечных превышало один миллион человек, то общая расшатанность нервной системы, неврастении были характерными для всех участников военных действий. Да и гражданское население, в том числе находящееся далеко от линии фронта, испытывало огромную психогенную нагрузку и потрясения. Матери, жены и дети мобилизованных на войну мужчин, по сути, постоянно страдали не только от призыва родных и близких, но и от экономических неурядиц, волн беженцев и вынужденных переселенцев, тягот и турбулентных кризисов различных сторон повседневной жизни.

Учитывая гендерные аспекты и последствия мобилизации, вполне очевидным является вывод о росте психических заболеваний среди женщин в столицах и провинции. Женский социум был охвачен чувством безысходной тоски, тревоги и беспокойства, тяжелыми душевными переживаниями. Не случайно более чем на 25 % увеличилось число поступавших в психиатрические больницы душевнобольных женщин.

⁶ Скляр Н.И. Война и душевные заболевания // Современная психиатрия. 1916. № 2–3. С. 98–118; № 4. С. 157–174; Прооров Л. Душевные заболевания и империалистическая война // Известия Народного комиссариата здравоохранения. 1925. № 1. С. 19–25; Иванов Ф.И. Реактивные психозы в военное время. Л., 1970.

⁷ Прооров Л. Душевные заболевания и империалистическая война // Известия Народного комиссариата здравоохранения. 1925. № 1. С. 19–20.

Вполне вероятно, что ожесточения и кровавые события периода Гражданской войны вполне могут быть объяснимы психическими травмами населения в условиях военной повседневности Первой мировой войны.

Вне всякого сомнения, данные о психических расстройствах призывников рассматриваемого периода требуют специального глубокого изучения и анализа.

Методологические подходы диктуют важность привлечения первичных архивных документов, включающих отчеты главных врачей психиатрических лечебниц, а также историй болезни конкретных военнослужащих и гражданских лиц в периоды военной повседневности.

Вторая мировая война (1939–1945 гг.) и активные мобилизационные мероприятия значительно обострили медико-социальную составляющую военной психиатрии, а также продемонстрировали рост числа психических заболеваний актеров мировой драмы. В известной степени все участвовавшие в боевых действиях военнослужащие получали мощнейшую травматизацию нервной системы и имели несомненные и весьма ощутимые последствия для психического здоровья. Так называемый «военный синдром» психической заболеваемости проявлялся с первых месяцев военных действий.

Всеобщая мобилизация в Красную армию и задачи срочного комплектования воинских частей диктовали важность призыва максимально возможного числа призывников в вооруженные силы СССР. Медицинские комиссии и военные комиссариаты являлись одними из самых «горячих» точек в военные годы. Недостаток врачей, особенно специалистов в области психиатрии, очень скоро начал давать о себе знать.

Чтобы оценить масштабы призыва лишь по одной Тамбовской области, можно привести данные по региональному комплектованию вооруженных сил. Так, из 1664776 человек наличного населения было призвано в годы войны в Красную армию 437 тыс. жителей Тамбовской области [10, с. 30]. Но, важно учитывать, что немалое число жителей региона поступали в ряды Красной ар-

мии добровольно, и они ускоренно зачислялись в войска при беглом медицинском осмотре.

Власти стремились максимально привлечь для службы в рядах Красной армии мужчин, добываясь «полного выявления годных для службы в Красной армии». Проверялась правильность и целесообразность получения «брони» (освобождения от призыва в армию), а также активизировался призыв невоеннообязанных женщин.

Всего в период войны из Тамбовской области были призваны в армию и стали военнослужащими около 10 тыс. девушек, что составило 2,2 % от общего призыва в Красную армию. Всего в СССР было призвано около 1,1 млн женщин военнослужащих из 50 млн призыва [11].

Примечательно, что при существовавших тогда минимальных ограничениях годными к строевой службе призывными комиссиями Тамбовской области были признаны 84,5 %, еще 12,3 % призывников были признаны годными к нестроевой службе и физическому труду, и лишь 3,2 % были признаны негодными и исключены из военного учета. Из призывников 1924 г. годными к строевой службе в рядах Красной армии были признаны 95,7 %.

Ценные данные о проведении мобилизации в Тамбовской области содержат опубликованные архивные сборники⁸. Так, в докладной записке комиссара автотранспортного батальона отмечалось, что к началу августа 1941 г. «люди не обмундированы, а часть обмундированного начсостава (20 человек) своим появлением на улицах в ботинках, туфлях, без поясных ремней вызывает вполне законный смех населения. Красноармейцы валяются на голом полу, а раньше спали в кабинах своих машин»⁹.

Рассмотрение психиатрических аспектов региональных призывных компаний позво-

⁸ Тамбовская область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сб. док.: в 2 т. / отв. сост. М.М. Дорошина. Тамбов: Б. и., 2008. Т. 2.

⁹ Тамбовская область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сб. док.: в 2 т. / отв. сост. М.М. Дорошина. Тамбов, 2007. Т. 1. С. 62.

лит по-новому оценить социокультурный облик, в том числе физический потенциал призывной когорты.

ВВЕДЕНИЕ СИСТЕМЫ ПРОВЕДЕНИЯ ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ МОБИЛИЗОВАННЫХ ЛИЦ

Понятно, что психическое здоровье призванных в вооруженные силы должно было соответствовать тяжести момента и способности с оружием в руках вставать на защиту Родины. Не случайно уже в 1941 г. проводились системные организационные мероприятия по налаживанию психиатрической экспертизы, исходя из опыта и статистического учета душевнобольных в войсках по данным Первой мировой войны. Были изданы специальные брошюры с рекомендациями по проведению психиатрической экспертизы военнослужащих Красной армии¹⁰.

Однако, несмотря на все попытки провести точное диагностирование психических расстройств призываемых на службу в ряды Красной армии, на фронте оказывалось некоторое число больных военнослужащих. Наиболее серьезными заболеваниями, которые могли серьезно осложнить боевые будни военных подразделений, являлись эпилепсия, шизофрения, олигофрения. Важно рассмотреть предпосылки и причины попадания на фронт таких больных призывников, уточнить влияние этих заболеваний на службу бойцов Красной армии.

Наименее травмирующей и позволявшей стабилизировать психическое состояние военнослужащего была *эпилепсия*.

По оценкам современников, в годы войны была продемонстрирована и некоторая беспомощность при диагностике эпилепсии, о чем свидетельствовали данные о признанных годными к военной службе по эпилепсии: 1 квартал 1943 г. – 28,3 %, 2 квартал 1943 г. – 45,7 %, 3 квартал 1943 г. – 20,4 %¹¹.

¹⁰ Указания по организации психиатрической помощи и психиатрической экспертизы во время войны. М.: Медгиз, 1941. 11 с.

¹¹ Тимофеев Н.Н. Предварительные итоги из опыта организации невропсихологической помощи в Вели-

Это вполне доказывает, что врачи-эксперты мало интересовались клиникой судорожных состояний и не были готовы к установке точного психиатрического диагноза. Сама подготовка медицинских работников не всегда включала в себя возможность проведения добротной экспертизы состояния призывника. Впрочем, эпилептические припадки могли быть нечастыми и нередко проявлялись только в условиях военной обстановки или боевой травмы.

Отмечались и случаи, когда после пребывания в госпитале и при отсутствии припадков в период обследования такие больные снова направлялись на фронт, где снова наступало тяжелое течение эпилептического процесса.

СЛУЧАИ ДОБРОВОЛЬНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ ЛИЦ С ПСИХОЛОГИЧЕСКИМИ ОТКЛОНЕНИЯМИ

В медицинских аналитических работах по психическим заболеваниям военнослужащих Красной армии отмечалось отсутствие во время войны той массы «травматиков», истерических припадков, гиперкинезов и параличей, командной истерии, которые были отмечены в период Первой мировой войны¹². Один из ведущих военных психиатров Н.Н. Тимофеев констатировал, что чувство долга и беспредельная любовь к своей Родине, так ярко проявившееся в Великую Отечественную войну, побуждало мобилизованных скрывать свои болезни¹³. По некоторым оценкам, около 30 % эпилептиков скрыли свой диагноз при призыве в армию. 57,2 % страдающих эпилепсией болели ей до войны, у 16,6 % припадки возобновились после нескольких лет светлого промежутка, и только у 22,6 % припадки появились во время войны. Среди страдавших эпилепсией участни-

кую Отечественную войну // Труды центрального института психиатрии: в 94 т. / под общ. ред. П.Б. Посвянского, А.С. Шмарьяна. М., 1947. Т. 3. С. 73.

¹² Там же. С. 75.

¹³ Тимофеев Н.Н. Военно-врачебная экспертиза нервно-психических заболеваний. Л.: Изд. военно-медицинской академии им. Смирнова, 1956. С. 20.

ков боев процент летальности был выше, чем в летальность больных эпилепсией в мирное время¹⁴.

Многие психиатры военной поры констатировали, что поведение *шизофреников* во многих случаях изменялось в сторону большей социабельности, а наличие эмоциональной мотивации и общего патриотического подъема в работе на оборону могли мобилизовать более здоровые стороны в психике больного¹⁵.

Некоторые больные шизофренией умело скрывали свой недуг, записывались добровольцами в Красную армию и успешно воевали на фронтах Великой Отечественной войны [12]. Одну из таких историй, которая произошла в Тамбовской психиатрической больнице, поведал ее главный врач, профессор А.К. Гажа. Эти события являлись отражением легенды, которая передавалась поколениями тамбовских врачей-психиатров, но она основана на задокументированных данных. Так, один из пациентов с тяжелым психиатрическим дефектом перед войной был помещен в хроническое отделение Тамбовской областной психиатрической больницы и находился там без надежд на улучшение состояния. У него был ступор, он был малоподвижным, большую часть времени проводил под столом, опасаясь за свою жизнь, страдая манией преследования. Но после начала войны, особенно когда Тамбовщина стала прифронтовой, его поведение началось резко изменяться. Он демонстрировал выздоровление и вел себя адекватно, не вызывая сомнений в состоянии его здоровья у наблюдавших за ним врачей. Вскоре его выписали домой к родным. Он сумел записаться добровольцем в Красную армию и храбро, успешно воевал, вернувшись домой с многочисленными боевыми наградами и репутацией бесстрашного пулеметчика. Но окончание войны и возвращение домой в непривычный невоенный со-

циум вызвало у него обострение заболевания и старые шизофренические проявления: нелюдимость, замкнутость, ступор. Скоро он опять вернулся в «свое» отделение и жил опять под столом. Героики и необходимости защищать Родину больше не было, и у него наступила стойкая декомпенсация, из которой он так и не вышел¹⁶.

Необходимо учитывать, что в соответствии с инструкциями военного времени лица, страдавшие шизофренией, признавались полностью негодными к военной службе. Однако экспертная практика за 1941–1944 гг. Института имени Сербского показала, что значительный процент среди лиц, направленных на судебно-психиатрическую экспертизу по делам о воинских правонарушениях, являлся шизофрениками. В 1943 г. таких правонарушителей было более 20 %. Налицо были недочеты в работе военно-призывных комиссий, которые направляли в Красную армию бойцов, нуждавшихся в обязательном признании негодными к службе.

По оценкам Е.Н. Довбни, через амбулаторные медицинские комиссии проходили и дефективные шизофреники, которые, успешно скрыв перенесенное ими психическое заболевание, были или призваны на военную службу или сами добровольно вступали в ряды Красной армии, участвовали в боях, были ранены и контужены. Причем травматические изменения характера были у них выражены менее ярко, чем у травматиков, которые до контузии были душевно здоровыми или психопатами¹⁷. Таким образом, у бывших шизофреников всегда превалировала в клинической картине их шизофреническая база и проявления поведения и характера.

Каковы же были пути просачивания в армию шизофреников, которые в большинстве случаев, не справляясь с напряженными

¹⁴ Тимофеев Н.Н. Военно-врачебная экспертиза нервно-психических заболеваний. Л.: Изд. военно-медицинской академии им. Смирнова, 1956. С. 36.

¹⁵ Гиляровский В.А. Вопросы теории и практики невропсихиатрической помощи в послевоенное время // Советская медицина. 1946. № 7. С. 1-4.

¹⁶ Гажа А.К. Легенды тамбовской психиатрии. Воспоминания главного врача // Личный архив автора. Запись 28 октября 2019 г. Тамбов.

¹⁷ Довбня Е.Н. Опыт работы амбулаторной судебно-психиатрической экспертной комиссии Института имени Сербского за десять лет и ее особенности в военное время // Проблемы военной психиатрии: в 10 сб. / под общ. ред. Ц.М. Фейнберг. М., 1946. Сб. 5. С. 431.

условиями военной службы, легко «срывались», не удерживались в рамках строгой воинской дисциплины, попадали на скамью подсудимых?¹⁸.

Причины попадания в Красную армию шизофреников:

1) иногда больные шизофренией имели стойкую ремиссию или стертый дефект без четко выраженной шизофренической симптоматики, они могли легко пройти незамеченными военно-медицинскими комиссиями;

2) некоторые больные, желая поступить в армию, умышленно не говорили на врачебных комиссиях, что болели психическим заболеванием, тщательно скрывали от врачей наличие психотической симптоматики в момент ремиссии. Многие призывники проявляли умение приспосабливаться к окружающей обстановке, умело скрывали свои болезненные переживания, оставаясь незамеченными даже при осмотре опытными психиатрами.

Дебют, то есть начало заболевания в период прохождения военной службы обнаруживался лишь у 20 % шизофреников. Обычно начальные стадии шизофренического процесса проходили по типу острого начала по типу параноида¹⁹.

Как правило, такие больные совершали тяжелые правонарушения, обвиняясь в убийстве (статья 136 УК РСФСР), нанесении тяжких повреждений (статья 142), но не привлекались к ответственности в силу невменяемости и заболевания. Важно отметить, что в современной отечественной историографии появляются специальные работы по заявленной проблематике [13].

Необходимо отметить важность применения методологии *гендерных исследований* при изучении мобилизации женщины на военную службу. Не случайно современники отмечали, что в годы войны в Красной армии служило много женщин, у которых также

проявлялись различные невропсихиатрические заболевания. М.П. Чаплина рассмотрела в своей статье особенности психических заболеваний, связанных с военным временем, у женщин, которые проходили лечение в женском отделении Московской областной невропсихиатрической клиники²⁰. Отмечалось, что возрастные и половые особенности оказывали влияние на возникновение психических заболеваний, хотя процент психических заболеваний женщин лишь немного уступал мужскому (52 %). Шизофрения у обоих полов встречалась одинаково, но формы заболеваний у женщин, принимавших обычно форму истерий и невротических реакций, нередко зависели от большей их эмоциональности и были тесно связаны с регенеративными функциями женского организма (менструациями, беременностями, климаксом). У заболевших женщин-военнослужащих часто наблюдались сумеречные состояния сознания, галлюцинации, бредовые идеи. Они плакали, кричали, разыгрывали разные сцены, проявляли массу выразительных движений.

Приводились истории болезней нескольких военнослужащих, которые демонстрируют особенности их заболеваний. В январе 1943 г. в клинику поступила 23-летняя военнослужащая, поступившая в Красную армию добровольно. Находясь в армии, она много волновалась, так как не получала известий с фронта от любимого человека. Много работала и уставала. Внезапно у нее начались припадки с потерей сознания. Во время припадков она командовала, отдавала распоряжения, стремилась куда-то. Сам припадок начинался смехом, больная стремилась бежать, кричала: «Дайте противогаз! Самолет противника, вон, вон, смотрите!». Минут через пять-десять приходила в себя, но о припадке ничего не помнила.

Ее состояние врачи-психиатры называли по опыту Первой мировой и Гражданской

¹⁸ Фрейеров О.Е. Судебно-психиатрическая экспертиза шизофреников, совершивших воинские правонарушения // Проблемы военной психиатрии: в 10 сб. / под общ. ред. Ц.М. Фейнберг. М., 1946. Сб. 5. С. 379-406.

¹⁹ Там же. С. 388.

²⁰ Чаплина М.П. Особенности невротических реакций у женщин, связанные с военным временем // Вопросы клинической психоневрологии. Т. 8 / под общ. ред. И.А. Бергера, В.В. Ченцова. М.: Моск. обл. невро-психиатр. клиника, 1946. С. 57-62.

войн – командная истерия. Но речь всегда шла о мужчинах, теперь же в период Второй мировой войны подобные командные припадки случались и у женщин и не только после травмы мозга.

Другая история болезни 19-летней больной, которая была мобилизована в Красную армию в январе 1943 г. Она была очень привязана к матери, никогда с ней не расставалась и очень тяжело переживала разлуку и изменение привычной деревенской обстановки. Находясь в военном подразделении, она потеряла сознание, звала кого-то, боялась черного человека, который ей привиделся. Ее сумеречное состояние продолжалось недолго. Она была направлена в клинику, а через месяц возвратилась в свою часть. Но через два месяца была возвращена в клинику в снова наступившем истерическом сумеречном состоянии сознания²¹.

Данные случаи показывали, что психические расстройства возникали у женщин-военнослужащих нередко без всякого травматизирующего воздействия (контузии, ранения и пр.).

Вполне понятно, что отечественная медицина и организаторы здравоохранения не могли не учитывать психиатрическую нагрузку и неурядицы, которые возникали в войсковых подразделениях. В 1944 г. академик, генерал-лейтенант медицинской службы В.П. Осипов подготовил специальное пособие для военных врачей, которое должно было помочь военным медикам в распознавании пограничных состояний, исходя из военного опыта²². По его оценкам, военный врач должен был обязательно уметь навыки распознавания психических заболеваний, которые встречались среди военнослужащих.

Так, через призывные комиссии нередко просачивались молодые люди с явлениями умственной отсталости, эпилептики, истери-

ки, психопаты, у которых в новых для них условиях воинской дисциплины, к которым они не в состоянии были сразу приспособиться, иногда наступали обострения их болезненного состояния. Обычно могли проявляться в таких условиях первые признаки различных душевных заболеваний: циклофрении, циклотемии, разновидностей группы шизофрении, первые признаки судорожной и психической падучей, постконтузионные психозы. Таких красноармейцев необходимо было своевременно изымать из состава военного подразделения, так как, оставаясь в нем, они могли совершать антидисциплинарные поступки и другие серьезные правонарушения вплоть до покушения на убийство или самоубийство. Такое поведение могло деморализовывать его сослуживцев, вызывать подражание и способствовать панике. Известно немало случаев, когда неправильная оценка заболевания, его неправильное распознавание влекло тяжелые последствия как для самого больного, так и для военного врача.

Изучение одной из *штрафных частей* врачами-психиатрами Петуховым и С.П. Рончевским показало, что некоторые из содержащихся там штрафников были неполноценными личностями, в то время как во время нахождения их в войсковой части вопросов о состоянии их душевного здоровья не возникало. Изучавший содержащихся на *гауптвахте* солдат Софронов также выяснил, что некоторые проступки совершали также неполноценные личности, то есть военнослужащие, которые имели явные психические расстройства²³.

Военные врачи считали, что своевременное удаление из войсковых частей таких солдат, на которых не оказывали воздействие политико-моральные мероприятия, могло бы повысить качество боевой подготовки и боевую мощь Красной армии. С другой стороны, современники отмечали, что нередко именно такие неполноценные личности, психопаты проявляли в бою настоящее героическое поведение.

²¹ Чаплина М.П. Особенности невротических реакций у женщин, связанные с военным временем // Вопросы клинической психоневрологии. Т. 8 / под общ. ред. И.А. Бергера, В.В. Ченцова. М.: Моск. обл. невро-психiatr. клиника, 1946. С. 60.

²² Осипов В.П. Вопросы психического распознавания и определения годности к военной службе. Л.: Изд. воен.-мед. академии им. С.М. Кирова, 1944. 152 с.

²³ Там же. С. 6.

Военные психиатры учитывали, что при отборе в армию попадало и некоторое число психопатов, при этом в условиях войн их психопатические черты чаще компенсировались, то есть не было обострений и психопатий. В прифронтовых и фронтовых районах психопаты не вызывали сильной и особой озабоченности своим поведением и настроением, но в отдаленных эвакогоспиталях и нестроевых частях они чаще демонстрировали свои болезненные проявления, возбудимость, недисциплинированность, истерические реакции и невротическое бегство в болезнь²⁴.

ВЫВОДЫ

Специальное изучение психиатрических аспектов призывных компаний в Российской империи и СССР позволяет выявить важные и малоизученные страницы истории отечественной медицины, развития воинского контингента, а также этнодемографические особенности российского социума.

Важно отметить, что в целом призывные медицинские комиссии успешно справлялись

с непомерной нагрузкой, обеспечивая вооруженные силы мобилизационными ресурсами, однако, недостаток узких специалистов, в частности, невропатологов, приводил иногда к недостаточно уверенному диагностированию и выявлению психиатрической патологии.

Требуют специального изучения данные по штрафным батальонам и в целом по военным преступлениям, так как вполне вероятным является выявление не только преступных деяний конкретных военнослужащих, но и проявлений у них патологических психиатрических расстройств.

Проведенное исследование показало важность анализа гендерных аспектов военных призывов.

Учитывая воздействие мобилизационных компаний на российский социум, представляется важным изучение психиатрических заболеваний гражданского населения, которые нередко усиливались, обострялись или проявлялись именно в период мобилизации.

Результаты исследования могут быть рекомендованы для практического применения в работе не только военных историков, но и в контексте совершенствования практики современных мобилизаций в Российской Федерации.

²⁴ Халецкий А.М. Вопросы вменяемости и годности к военной службе при психопатиях // Проблемы судебной психиатрии: сб. четвертый / под общ. ред. Ц.М. Фейнберг. М.: Красный печатник, 1944. С. 102.

Список источников

1. Kuseber J. Krieg und Revolution in Russland. 1904–1906: das Militaer im Verhaeltnis zu Wirtschaft, Autokratie und Gesellschaft. Stuttgart, 1997. 406 S.
2. Холквист П. Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа (1914–1921) в европейском контексте // Россия и Первая мировая война: материалы Междунар. науч. colloквиума. СПб., 1999. С. 83–101.
3. Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 – март 1918 г.). Екатеринбург, 2000. 414 с. <https://elibrary.ru/nltfyh>
4. Beyrau D. Krieg und Revolution: Russische Erfahrungen. München: Brill Deutschland GmbH, Paderborn, 2017. 311 S.
5. Beyrau D., Shcherbinin P. Alles für die Front: Russland im Krieg 1914–1922 // Durchhalten!: Krieg und Gesellschaft im Vergleich, 1914–1918. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2010. S. 151–177.
6. Сенявская Е.С., Сенявский А.С., Жукова Л.В. Человек и фронтовая повседневность в войнах России XX века: очерки по военной антропологии. М.: Ин-т рос. истории РАН; Центр гум. инициатив, 2017. С. 7–25. <https://elibrary.ru/zquehh>
7. Плампер Я. Страх в русской армии в 1878–1917 гг.: к истории медиализации одной эмоции // Опыт мировых войн в истории России: сб. ст. Челябинск, 2007. С. 453–460.
8. Sumpf A. La grande guerre oubliée. Russie, 1914–1918. P.: Perren, 2014. 527 p.

9. Букалова С.В., Щербинин П.П. Организация психиатрической помощи душевнобольным воинам в годы Первой мировой войны // Вестник государственного и муниципального управления. 2021. Т. 10. № 2. С. 163-172. <https://doi.org/10.22394/2225-8272-2021-10-2-163-172>, <https://elibrary.ru/izrikv>
10. Дьячков В.Л. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. и социально-демографическое развитие Тамбовской области. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. 189 с.
11. Дьячков В.Л., Щербинин П.П. Армия и военный фактор в демографическом поведении населения Тамбовского региона в XVIII–XX вв. Тамбов: Принт-Сервис, 2019. 325 с.
12. Гажя А.К., Щербинин П.П. Тамбовская психиатрия в военные годы (1941–1945) // Особенности демографического, медико-социального, этноконфессионального развития российской провинции в XVIII–XXI вв.: сб. ст. участников Междунар. науч. конф. Тамбов: Изд-во ИП Чеснокова А.В., 2021. С. 65-70.
13. Чудиновских А.Г., Шамрей В.К. Военная психиатрия в годы Великой Отечественной войны. СПб.: ВМедА, 2018. 130 с.

References

1. Kuseber J. *Krieg und Revolution in Russland. 1904–1906: das Militaer im Verhaeltnis zu Wirtschaft, Autokratie und Gesellschaft*. Stuttgart, 1997, 406 S. (In German).
2. Kholkvist P. Total'naya mobilizatsiya i politika naseleniya: rossiyskaya katastrofa (1914–1921) v evropeyskom kontekste [Total mobilization and population policy: the Russian catastrophe (1914–1921) in the European context]. *Materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma «Rossiya i Pervaya mirovaya vojna»* [Proceedings of the International Scientific Colloquium “Russia and the World War I”]. St. Petersburg, 1999, pp. 83-101. (In Russian).
3. Porshneva O.S. *Mentalitet i sotsial'noye povedeniye rabochikh, krest'yan i soldat Rossii v period Pervoy mirovoy vojny (1914 – mart 1918 g.)* [Mentality and Social Behavior of Workers, Peasants and Soldiers of Russia during the World War I (1914 – March 1918)]. Ekaterinburg, 2000, 414 p. <https://elibrary.ru/nltfyh>. (In Russian).
4. Beyrau D. *Krieg und Revolution: Russische Erfahrungen*. München, Brill Deutschland GmbH, Paderborn, 2017. 311 S. (In German).
5. Beyrau D., Shcherbinin P. Alles für die Front: Russland im Krieg 1914–1922. *Durchhalten!: Krieg und Gesellschaft im Vergleich, 1914–1918*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 2010, S. 151-177. (In German).
6. Senyavskaya E.S., Senyavskiy A.S., Zhukova L.V. *Chelovek i frontovaya povsednevnost' v voynakh Rossii XX veka: ocherki po voyennoy antropologii* [Man and Frontline Everyday Life in the Wars of Russia of the 20th Century: Essays on Military Anthropology]. Moscow, The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences Publ., Center for Humanitarian Initiatives Publ., 2017, 422 p. <https://elibrary.ru/zquehh>. (In Russian).
7. Plamper Y. Strakh v russkoy armii v 1878–1917 gg.: k istorii medializatsii odnoy emotsii [Fear in the Russian army in 1878–1917: towards the history of the mediation of one emotion]. *Opyt mirovykh voyn v istorii Rossii* [The Experience of World Wars in the History of Russia]. Chelyabinsk, 2007, pp. 453-460. (In Russian).
8. Sumpf A. *La Grande Guerre Oubliée. Russie, 1914–1918*. Paris, Perren, 2014. 527 p. (In French).
9. Bukalova S.V., Shcherbinin P.P. Organizatsiya psikhiatricheskoy pomoshchi dushevnobol'nym voynam v gody Pervoy mirovoy vojny [Forming of psychiatric care for mentally ill soldiers during the World War I]. *Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya – Journal of Public and Municipal Administration*, 2021, vol. 10, no. 2, pp. 163-172. <https://doi.org/10.22394/2225-8272-2021-10-2-163-172>, <https://elibrary.ru/izrikv>. (In Russian).
10. Dyachkov V.L. *Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945 gg. i sotsial'no-demograficheskoye razvitiye Tambovskoy oblasti* [The Great Patriotic War of 1941–1945 and the Socio-Demographic Development of the Tambov Region]. Tambov, Publishing House of Tambov State University named after G.R. Derzhavin, 2010, 189 p. (In Russian).
11. Dyachkov V.L., Shcherbinin P.P. *Armia i voyennyy faktor v demograficheskom povedenii naseleniya Tambovskogo regiona v XVIII–XX vv.* [The Army and the Military Factor in the Demographic Behavior of the

- Population of the Tambov Region in the 18th–20th Centuries]. Tambov, Print-Service Publ., 2019, 325 p. (In Russian).
12. Gazha A.K., Shcherbinin P.P. Tambovskaya psikhatriya v voyennyye gody (1941–1945) [Tambov psychiatry during the war years (1941–1945)]. *Sbornik statey uchastnikov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Osobennosti demograficheskogo, mediko-sotsial'nogo, etnokonfessional'nogo razvitiya rossiyskoy provintsii v XVIII–XXI vv.»* [Collection of Articles by Participants of the International Scientific Conference “Features of Demographic, Medico-Social, Ethno-Confessional Development of the Russian Province in the 18th–20th Centuries”]. Tambov, Self-employed entrepreneur Chesnokov A.V. Publ., 2021, pp. 65–70. (In Russian).
13. Chudinovskikh A.G., Shamrey V.K. *Voyennaya psikhatriya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Military Psychiatry during the Great Patriotic War]. St. Petersburg, Military Medical Academy Publ., 2018, 130 p. (In Russian).

Информация об авторе

Щербинин Павел Петрович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой ЮНЕСКО по правам человека и демократии, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, ORCID: [0000-0001-7886-7833](https://orcid.org/0000-0001-7886-7833), shcherbinin2010@gmail.com

Статья поступила в редакцию 08.09.2022
Одобрена после рецензирования 03.11.2022
Принята к публикации 18.11.2022

Information about the author

Pavel P. Shcherbinin, Doctor of History, Professor, Head of UNESCO of Human Rights and Democracy Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, ORCID: [0000-0001-7886-7833](https://orcid.org/0000-0001-7886-7833), shcherbinin2010@gmail.com

The article was submitted 08.09.2022
Approved after reviewing 03.11.2022
Accepted for publication 18.11.2022